

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК МИССИС УИМС

«БЮЛЛЕТЕНЬ ПОЛУСТАНКА»

12 июля 1929 г.

НОВОЕ КАФЕ

На прошлой неделе по соседству со мной, рядом с почтой, открылось кафе «Полустанок». Его хозяйки — Иджи Тредгуд и Руфь Джемисон, — кажется, довольны: дело потихоньку налаживается. Иджи просит знакомых не беспокоиться, что здесь их отравят: сама она не готовит, на кухне заправляют две негритянки, Сипси и Онзелла, а за барбекю персонально отвечает муж Онзеллы, Большой Джордж.

Тем, кто еще не успел заглянуть в кафе, Иджи сообщает: завтрак здесь подают с 5.30 до 7.30. Вы можете заказать яйца, овсянку, сухарики, бекон, колбасу, ветчину под острым томатным соусом и кофе — все это обойдется вам в 25 центов.

На обед и ужин вас ждут свиная отбивная с подливкой, жареный цыпленок, зубатка, курица с клецками или барбекю. Кроме того, можно взять овощи, сухарики или кукурузный хлеб плюс десерт и кофе — за все про все 35 центов.

Иджи говорит, что из овощных блюд вам предложат кукурузу под белым соусом, жареные зеленые помидоры, жареную окру, капусту или репу, коровий горох, сладкий батат, каролинские бобы или лимскую фасоль. А на сладкое — пирог.

Мы с моей дражайшей половиной, Уилбуром, вчера там обедали, и было так вкусно, что он заявил: «Все,

Фэнни Флэг

дома больше не ем». Ха-ха! Хорошо, коли так. А то я не вылезая из кухни, стряпая для этого проглата, и все никак не могу накормить его досыта.

Кстати, Иджи уверяет, что одна из ее кур снесла яйцо с десятидолларовой бумажкой внутри.

Дот Уилс

ПРИЮТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ «РОЗОВАЯ ТЕРРАСА»

СТАРОЕ ШОССЕ МОНТГОМЕРИ, БИРМИНГЕМ, ШТАТ АЛАБАМА
15 ДЕКАБРЯ 1985 Г.

Сегодня Эвелин Коуч снова пришлось ехать с мужем в «Розовую террасу» навещать Большую Маму — его мать. Свекровь ее терпеть не могла, и Эвелин быстренько удрала от них в зал для посетителей, чтобы в тишине и покое полакомиться припасенными сладостями. Но как только она устроилась поудобнее, старушка в соседнем кресле ни с того ни с сего заговорила:

— Если вы меня спросите, в каком году такой-то или такой-то женился, на ком женился и в чем была мать невесты, я в девяти случаях из десяти отвечу правильно. Но хоть убей, никак не могу вспомнить, когда же я успела так состариться. Как-то неожиданно все получилось: раз — и уже старуха.

Знаете, в первый раз я обнаружила это в июне, когда попала в больницу с желчным пузырем. Они, наверно, до сих пор его хранят, а может, и выкинули уже, кто знает. Медсестра — толстуха такая, аж страшно, — как раз собиралась ставить мне вторую клизму, они там просто обожают делать клизмы. И тут смотрю, на руке у меня бумажка вроде бирочки. Пригляделась, а на ней написано: «Миссис Вирджиния Тредгуд, 86 лет». Представляете?

Вернулась я домой и говорю миссис Отис, приятельнице своей: мол, нам только и осталось теперь, что сидеть сложа руки да ждать, пока сдохнешь. А она: «Предпочитаю выражение “отойти в мир иной”». Бед-

няжка! У меня язык не повернулся сказать ей, что разницы-то, собственно, никакой: как ни назови — все одно поправим.

Все же забавно: пока ты маленькая, время на одном месте топчется, а как двадцать стукнет, так оно понеслось, словно скорый до Мемфиса. Мне иногда кажется, что жизнь как-то мимо нас проскальзывает, и почувствовать ее не успеешь. Я, конечно, по себе сужу, не знаю, как у других бывает. Вроде вчера еще маленькая девочка, а нынче — хоп, и взрослая женщина, с грудью и волосами на укромных местах. И как это я все умудрилась пропустить, ума не приложу. Впрочем, особого ума у меня никогда не было, ни в школе, ни потом...

Я и миссис Отис из маленького городка, Полустанок называется. Это в десяти милях от «Розовой террасы», там, где железнодорожная сортировочная, — слышали, может? Отсюда и название Полустанок. Мы с ней последние тридцать лет жили на одной улице. Когда муж миссис Отис умер, сын и невестка уговорили ее переехать сюда, в приют. А меня попросили пожить с ней хотя бы первое время, пока она тут не пообвыкнет. Потом-то я домой вернусь, только от нее это секрет, понимаете?

Здесь не так уж и плохо. На Рождество мы все надевали праздничные колпачки. На моем были вышиты сверкающие елочные шары, а у миссис Отис — рожица Санта-Клауса. А вот кошечку пришлось оставить дома. Жалко ужасно! Скучаю я по ней очень. Я ведь всю жизнь кошку держала, а то и двух. Но ничего не поделаешь, отдала ее соседской девочке, которая поливает мои герани. У меня, знаете, четыре кадки с геранями перед домом, и герань такая чудная, просто глаз не отвести.

Моей миссис Отис всего семьдесят восемь. Она славная женщина, правда славная, только немного нервная.

Я хранила под кроватью в банке камни из желчного пузыря, так она заставила меня спрятать. Сказала, что от их вида у нее депрессия начинается. Как маленькая. Впрочем, она ведь и росточка маленького, а я, сами видите, дама крупная. Кость у меня широкая, да и все остальное.

А вот машину я никогда не водила. Такое неудобство. Вечно привязана к дому, сиди и жди, пока кто-нибудь подбросит в магазин, или там к врачу, или в церковь. Раньше до Бирмингема можно было добраться на дрезине с ремонтниками, но дрезины давным-давно не ходят. Вернусь домой — обязательно получу водительские права.

Знаете, забавно получается: начинаешь ценить радости жизни, только когда оказываешься вдаль от дома. Мне, например, не хватает запаха кофе и жареного бекона по утрам. Здешняястряпня вообще ничем не пахнет, а о жареном даже не мечтай. Все вареное, и ни грамма соли. Мне эти паровые котлеты и даром не нужны, а вам? — Она тараторила и тараторила, не дожидаясь ответа. — Я просто обожаю пахту с крекерами или кукурузным хлебом на завтрак. Размочишь все в чашке и хлебаешь ложечкой. Но нельзя же есть на людях, как дома себе позволяешь, правда?

И еще скучаю по дереву. Мой домишко — старая развалюха: гостиная, спальня и кухонька. Но весь из дерева, и стены изнутри обиты сосной. За это и люблю его. Терпеть не могу штукатурку. Стены какие-то холодные получают, окостеневшие, что ли.

У меня была с собой фотография, я там маленькая качаюсь на качелях на заднем дворе, а в руке у меня голубые воздушные шары. Хотела повесить у себя над кроватью, так сиделка не позволила: мол, девочка здесь по пояс голая, а это неприлично. Представляете? У меня эта карточка лет пятьдесят провисела, а мне и в голову

не приходило, что я там голая. Неужто кто-то из здешних старичков разглядит голую грудку, с их-то зрением! Но раз уж тут все такие нравственные собрались, ладно, убрала я фотографию в шкаф, пускай полежит вместе с моими желчными камнями.

Хорошо бы сейчас очутиться дома. Там, правда, беспорядок жуткий: я и забыла, когда подметала последний раз. И знаете почему? Выхожу я как-то на крыльцо, а на дереве сойки дерутся. Ну я и запустила в них веником, а он застрял в ветках. Надо будет попросить кого-нибудь снять мой веничек, когда вернусь.

А недавно сын миссис Отис забрал нас домой с чаепития, которое устраивали в здешней церкви по случаю Рождества. Так вот, он повез нас вдоль железной дороги по Первой улице, там еще когда-то было кафе, мимо старого дома Тредгудов. Конечно, многие дома на этой улице теперь заколочены, иные разрушены, но, знаете, когда мы подъезжали, фары осветили окна, и мне показалось, что дом совсем не изменился. Вроде стоит такой же, как и семьдесят лет назад, везде свет горит, веселье, суматоха. Могу поклясться, я слышала чей-то смех, а в маленькой гостиной Эсси Ру брэнчала на пианино «Эй, девушки из Буффало, погуляем вечером» и «Огромные горы сладостей», или что там еще было тогда в моде. Смотрю — а может, все же показалось? — Иджи Тредгуд опять спряталась в ветвях иранской мелии и воеет собачкой каждый раз, когда Эсси заводит песню. Она всегда говорила, что Эсси Ру умеет петь хуже, чем корова танцевать. Сдается мне, из-за этих видений, да еще моей тоски по дому, я теперь только о прошлом и могу думать.

Помню все как вчера, да и вряд ли хоть одна подробность из жизни семьи Тредгуд могла ускользнуть из моей памяти. Бог мой, разве такое возможно! Я ведь с самого рождения жила по соседству с Тредгудами, а потом вышла замуж за одного из их мальчиков.